

Вадим Левенталь

**ПРИЗРАЧНОЕ
ДЕЙСТВИЕ
НА РАССТОЯНИИ**

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА**

МОСКВА
2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лучше сделать что-нибудь одно замечательное, чем многое кое-как, но если ты не можешь сделать что-нибудь одно замечательно, то лучше сделать многое, хотя бы и кое-как.

Плиний Младший

Всякий, кого обуревают демон авторствования, мечтает написать какой-нибудь *opus magnum*. Большой роман, который все на свете объяснит. Или, если автор немножечко филолог, большую монографию, которая все объяснит про что-нибудь одно. Автор этих строк, разумеется, не чужд такой мечты. Однако пока *opus magnum* пишется – и тем более пока он почему-либо не пишется – автор разменивается на мелочи. Процитированный в эпиграфе Плиний Младший учит нас не стесняться этого. Колонки о литературе, книжные рецензии, предисловия к книгам, отзывы на книги – все это *многое* пишется как-то само собой по ходу дела у всякого, кто связал свою профессиональную жизнь с литературой.

Перебирая написанные за последние десять лет тексты, я обнаружил, во-первых, что многие из них написаны не то чтобы *кое-как* –

некоторые вроде бы даже вполне бодро и весело написаны, – а во-вторых – что эти тексты по-разному и с разных сторон подступаются к одной и той же теме. Речь о связи литературы с жизнью. Как будто бы это вещи довольно далекие друг от друга. Настоящая жизнь и вымышленные миры, действительность и слова, реальность и фантазии – где имение и где наводнение. Есть даже такая точка зрения, что в литературу мы сбегает от реальной жизни, прячемся в ней, как в домике. И все же каким-то загадочным образом они накрепко связаны и влияют друг на друга – жизнь и литература.

Есть, говорят физики, такая штука, как квантовая запутанность. Одна частица связана с другой, находящейся в сотне световых лет от нее, и воздействие, оказанное на одну частицу, мгновенно, как будто и нет никаких световых лет, сказывается и на другой тоже. Это еще называется парадокс ЭПР, Эйнштейна–Подольского–Розена. Сам Эйнштейн, еще толком не веривший в новооткрытый эффект (экспериментальное подтверждение теоретическим вкладкам подоспело только в 1993 году), называл его «призрачным действием на расстоянии».

В конкурсе на лучшую короткую метафорическую формулу, по которой сопрягаются такие далековатые вещи, как действительность и литература, эйнштейново *призрачное действие на расстоянии* кажется хорошим кандидатом на победу. Тем более что физикам она больше не нужна. Берем.

Так вот в этой книге собраны тексты, так или иначе это далекое действие на расстоянии... ну не то чтобы исследующие – автор все-таки не исследователь, – скорее они этот эффект повсюду обнаруживают, вглядываются в него и рассматривают его с разных сторон.

Она открывается предисловиями для четырех томов проекта «Литературная матрица» (и переиздания первых двух томов в 2021 году); первое из них было написано при участии моих коллег по проекту Павла Васильевича Крусанова и Светланы Викторовны Друговой-Должанской и публикуется здесь с их любезного разрешения. Далее следуют тексты, написанные в разное время и по разным поводам. Очерк о Карамзине, написанный все для той же «Матрицы», и очерк о Викторе Некрасове, написанный для переиздания «В окопах Сталинграда», – с одной стороны. Рецензии на книжные новинки, написанные в разные годы для разных изданий, и как бы случайно залетевшие в окно статьи о кино и телесериалах, – с другой. Эссе о своих собственных взаимоотношениях с книгами и литературой, написанное для сборника «Как мы пишем», и эссе о творчестве Виктора Пелевина, написанное для «Литературной газеты» по случаю его шестидесятилетия, – с третьей. Ну и так далее.

К слову, значительная часть текстов из этого сборника были написаны специально для «Литературной газеты»; по нынешним временам возможность писать пространные

тексты сугубо по вопросам изящной словесности – дорогого стоит; и я благодарю «Литературную газету» и лично ее главного редактора Максима Замшева за эту возможность. Тексты эти были написаны во многом как одно продолжающееся из статьи в статью размышление: тем легче им было, пусть немного перетасованным, попасть под эту обложку.

Что касается композиционного устройства сборника в целом, то я отказался от идеи разбивать сборник на разделы по принципу «классики налево, современники направо» или «вот раки по пять рублей, а вот маленькие, но по три». Равно как и не стал я составлять его по историческому принципу, сообразно году написания каждой статьи. Вместо этого я попытался придать движению текстов под этой обложкой некоторый внутренний сюжет. Сюжет этот носит, особенно в первой половине книги, несколько автобиографический характер, но кажется, в эпоху автофикшн это простительно. Если о себе и своей насыщенной внутренней жизни можно рассказывать любому автору, то почему нельзя критику?

И все же пару предварительных замечаний я хочу сделать. Во-первых, в книгу отобраны в основном тексты о книгах, писателях и литературе. Тексты о политике, хороши они или плохи, в книгу не вошли – и однако это, разумеется, не значит, что политики в этой книге вовсе нет. В конце концов, связь жизни и литературы – это в том числе и связь литературы с политикой;

даже когда литература выбирает запереться в башне из слоновой кости – этот жест должен быть понят в политическом смысле.

Во-вторых, самый ранний из текстов в этой книге написан в 2010 году, но все же большая часть написана уже после 2015-го, а большая часть от этой части – и вовсе в 2021–2023 годах. Таким образом, книга не претендует на то, чтобы быть книгой о «литературе десятилетий». Отчасти она отражает личные взгляды автора на литературу, так сказать, вообще; но в той мере, в которой она говорит именно о текущей литературе – это литературный ландшафт времени, которое, видимо, следует назвать послекрымским, возможно, предвоенным, а может быть, даже «эпохой СВО».

Но и тут автору хотелось бы оставить за собой право на некоторую меру безответственности. Задачи дать исчерпывающее описание этого ландшафта автор перед собой не ставил, авторов и книги отбирал абсолютно волюнтаристски, да и ни один современник не может знать, в каких именно артефактах духа эпоха застынет для будущих поколений – одним словом, тут дан в высшей степени личный и сугубо пристрастный взгляд на литературу второй половины второго десятилетия XXI века, и любые претензии типа «почему тут есть то, но нет этого» будут попадать в молоко. Что же до перелома, который произошел в феврале 2022 года, то он не мог еще быть отрефлексирован изящной, и в силу этого

довольно инертной, словесностью, а стало быть, и в этой книге почти совсем не освещен.

Впрочем, читатель обратит внимание на то, что завершает книгу длинное, проходящее сквозь дюжину статей рассуждение о т.н. «прозе тридцатилетних» – литературном поколении, вышедшем на историческую сцену как раз в 2022–2023 гг. И хотя их книги – в большинстве случаев дебютные – темы военных действий на юго-востоке Украины почти никак не касаются, их все же, хочешь не хочешь, придется признать частью литературы «эпохи СВО». В этом смысле они что-то – может статья, что-то важное, – о ней, об эпохе, говорят.

Наконец, последнее замечание. Человек, постоянно занятый действием, производит впечатление подозрительно нездорового, даже опасного. Действию, пусть даже и призрачному, подобаает периодическое ленивое бездействие. Поэтому за разделом «Действие» в этом сборнике следует короткий раздел «Бездействие», в котором собраны некоторые из колонок, написанные зимой 2021-го – летом 2022 года для сайта «Ваших новостей». Это меланхоличные тексты о прогулках по Петербургу, в них взгляд шатающегося без дела по городу задумчивого обывателя блуждает с одного предмета на другой, цепляется то за одну тему, то за другую и ни на чем надолго не задерживается. Возможно, призрачное бездействие на расстоянии – это еще один, но тайный механизм работы литературы.

ДЕЙСТВИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО ЛИТЕРАТУРЕ:
РУКОВОДСТВО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

(Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. В 2 т. – СПб.: Лимбус Пресс, 2011)

В англо-американском книжном сообществе bookish на платформе Livejournal появился в 2010 году пост: некто – очевидно, достаточно взрослый, – писал, что решил познакомиться с этими «The Russians», о которых все говорят, и прочитать наконец «Преступление и наказание», «Войну и мир» и «Лолиту». По результатам прочтения Достоевскому было выдано пять звезд, а Толстому с Набоковым – по четыре с половиной. Автор поста просил подсказать ему, что еще почитать у тех же писателей. Речь, впрочем, не об экспорте русской духовности, а о том, что ответил автору поста один из участников сообщества: радуйся, мол, что родился в Штатах, – родись ты в России, тебя этими книжками замучили бы еще в школе и потом ты всю жизнь их ненавидел бы.

Надо полагать, именно эти «замученные книжками еще в школе» и позаботились о том, чтобы обязательный выпускной экзамен по литературе был в 2009 году отменен. Тем не менее The Russians остались в школьной программе. Так надо их читать или не надо? И если надо – то зачем? В наше прагматическое время, когда в некоторых странах паспорта выдают едва появившимся на свет младенцам, любой продвинутый школьник, приходя на первый в жизни урок литературы, прежде всего обязан скривить лицо и заявить Мариванне, что литература никак не пригодится ему в *реальной жизни*, а значит, учить ее не надо: расскажите-ка лучше, как составить резюме. На вторую часть этого вопроса грамотная Мариванна должна ответить, что писать резюме – это удел лузеров: крутые парни не составляют резюме, а читают и отбраковывают чужие. С *реальной жизнью* сложнее. Честная Мариванна должна сознаться, что ни литература, ни, скажем, астрономия или математический анализ в реальной жизни никому еще негодились. Ограничимся, впрочем, литературой. Еще раз: знание истории русской литературы действительно никакого практического применения не имеет.

Нет никакой зависимости между культурным уровнем человека и его социальным положением. Один из канадских премьер-министров как-то признался, что любит только хоккей, а книг вообще никогда не читает. А ко-

гда-то всесильный кремлевский «серый кардинал» Владислав Сурков, напротив, был известен как тонкий ценитель литературы. То же самое, в общем, можно сказать и о лузерах: в интеллектуальном багаже одного хранятся разве что смутные воспоминания о сказке «Репка», а другой числит главным достоянием «сало и спички – и Тургенева восемь томов».

Более того, вопреки распространенному заблуждению, чтение художественной литературы (сюжеты которой, так уж сложилось исторически, строятся чаще всего на любовных многоугольниках) никак не помогает обустроить свою личную жизнь. Напротив, книжные представления о любви отпугивают объектов этой любви (тут полагается вспомнить пушкинскую Татьяну, воспитанную на романах и обманах «и Ричардсона, и Руссо»), а потом еще и оказываются источником разочарований («Я-то думала: он мне стихи читать будет...»).

Наконец, необходимо разрушить самый стойкий предрассудок: будто бы чтение хорошей литературы – это такое уж безусловное удовольствие. Стоит признаться, что даже маленькая порция пломбира явно способна доставить куда более очевидное удовольствие, нежели многочасовое погружение в какие-нибудь там «Мертвые души». Ведь читать гораздо труднее, чем простодушно облизывать пломбирный шарик. И все-таки: есть мнение, что читать надо. Зачем и почему?

Первая благородная истина буддизма гласит: жизнь есть страдание. Житейский опыт, как кажется, не дает оснований спорить с этим утверждением. Моменты счастья всегда кратковременны: по этой логике, счастье есть не более чем отложенное страдание. Художественная литература не может исправить этого – ни одна книга не сделает человека счастливым. Но так уж получилось (спросите у историка – почему), что именно художественная литература стала для разумного населения земного шара аккумулятором смысла – того, что люди за последние пару-тройку тысячелетий поняли о жизни и о себе. Пройдут сотни лет, прежде чем кино или любое иное гипотетическое искусство будущего сможет сравняться по смыслоемкости с батареей мировой литературы.

Читать «Войну и мир» нужно не для того, чтобы, участвуя в телевикторине, бойко ответить на вопрос, какого цвета была собачка Платона Каратаева (кстати: она – вы не поверите! – была лиловая), и не для того, чтобы блеснуть уместной цитатой в умной беседе. А для того, чтобы настроить свой ум на такую волну, на которой вопросы вроде «кто я?» и «зачем я здесь?» лишаются анекдотической окраски. Те, кто планирует благополучно просуществовать, вовсе не задаваясь подобными вопросами, приглашаются на урок по составлению резюме.

Ответов на эти вопросы, кстати говоря, ни в одной хорошей книге нет. Ответы при бла-

гоприятных условиях появляются в голове читателя сами собой. Могут ли они, ответы, появиться в голове сами собой и без всяких книжек? Могут. Но пока мы читаем, вероятность их появления существенно возрастает. Таким образом, тот, кто проштудировал «Войну и мир» или «Историю одного города», получает серьезный шанс не просто прожить жизнь, исполненную страдания, но что-то об устройстве этой жизни понять. А ведь осмысленное страдание куда как лучше страдания бессмысленного – это знает всякий, кого мама ставила в угол за драку с братом, который, между прочим, первый начал.

Существенное отличие чтения русской литературы от прогулки по музею материальной культуры заключается в том, что книги – не экспонаты, о которых любопытно узнать пару забавных фактов. Книги собраны из мыслей и фантазий, сомнений и откровений, любви и ненависти, наблюдений и разочарований *живых людей*. Люди эти, коль скоро человечество помнит о них десятки, сотни лет, были людьми исключительными. И поручкой тому, что все ими написанное было обдуманно и написано на пределе серьезности, – их трудные судьбы и зачастую трагические смерти. Потому-то их произведения сочатся горячей, как кровь, мыслью – мыслью, которая разрывает сознание, не уместаясь в мозгу, и выплескивается вовне, в тексты. Брать эти тексты в руки нужно не как осколки какого-нибудь кувшина,

а как старое, но грозное оружие (человек, который придумал это сравнение, через несколько дней пустил себе пулю в висок – игра «Угадай цитату» началась).

В этом смысле само словосочетание «изучение литературы» звучит смешно. Можно, конечно, изучать устройство автомата Калашникова, но создан он не для того, чтобы его изучать, а для того, чтобы из него стрелять. Похожим образом обстоит дело и с томиком Толстого. На то, чтобы исследовать язык «Войны и мира» или образ Анны Карениной, можно положить целую жизнь – занятие не лучше и не хуже других, – но написаны эти романы были не для того, чтобы несколько ящиков в библиотечном каталоге заполнились карточками с пометкой «Толстой, о нем», а для того, чтобы хоть один из сотни читателей потерял покой.

У профессионала-филолога, который возьмется читать «Литературную матрицу», будет масса поводов скривить лицо: об этом, мол, уже написал тот-то, а это не согласуется с теорией такого-то. Профессионал-филолог будет абсолютно прав. Русская литература от Грибоедова до Солженицына препарирована и разложена на трактовки во многих сотнях томов, в названиях которых есть слова «дискурс» и «нарратив». Краткий и упрощенный конспект того, что ученые имеют нам сказать про художественную литературу, должен, по идее, содержаться в школьном учебнике.

Учебник этот – книга, безусловно, полезная и познавательная. Существует он затем, чтобы его читатель как минимум запомнил, что Пушкин родился несколько раньше Чехова, и как максимум – на что стоит обратить внимание при чтении Тургенева. Затем, чтобы в голове его читателя выстроилась картина истории русской литературы как истории – *измов: классицизм – романтизм – реализм – символизм...* И в этом смысле учебник неизбежно должен быть до некоторой степени равнодушен к самим текстам – шаманская, напрочь выносящая мозг проза Платонова ему столь же мила, как и зубодробительно скучный роман Чернышевского.

Смысл же появления «Литературной матрицы», хотя статьи в ней и расположены в традиционном хронологическом порядке, состоит совершенно в другом.

Ее авторы – не ученые, а писатели и поэты. С литературоведческими трудами они, в большинстве своем, не знакомы.

В этом смысле они такие же «простые читатели», как и мы с вами, – но, будучи сами писателями, они в силу устройства своего ума способны заметить в книгах своих почивших в бозе коллег нечто большее, нечто более глубинное, нежели обнаружит самый искусный филолог. Возвращаясь к оружейной метафоре, можно сказать, что они не музейные работники, а бойцы на передовой, и потому тщательное изучение «шпаги Лермонтова»

или «пулемета Бабеля» имеет для них самый что ни на есть практический смысл: всем этим арсеналом нужно уметь пользоваться, чтобы научиться бить без промаха.

То, что они нам предлагают, – это не абсолютные истины, не аксиомы, которые надо выучить, чтобы пользоваться ими, как пользуются таблицей умножения, высчитывая выгодность покупки. Нет, каждая статья «Матрицы» – опыт настоящего чтения, чтения всерьез. Опыт, который может пригодиться, а может и не пригодиться. При чтении любой из статей сборника, не исключено, возникнет протест: я не согласен. (В нескольких случаях *не согласны* – друг с другом или с авторами – оказались сами составители сборника, поэтому некоторым классикам в нем посвящено не по одной, а по две статьи.) Так ведь и все классические произведения, послужившие авторам материалом для размышления, были написаны не в последнюю очередь для того, чтобы кто-то осознал, что он *не согласен*. «Раз художник использовал воображение при создании книги, то и ее читатель должен пустить в ход свое – так будет и правильно, и честно», – утверждал Набоков в своих лекциях, которые он читал американским студентам. А писатель Джозеф Конрад и вовсе заявлял, что «автор пишет только половину книги: другую половину пишет читатель». И, ясное дело, каждый читатель по-своему пишет свою половину книги.

Поэтому едва ли найдется кто-то, кому понравятся все статьи, помещенные под обложкой «Литературной матрицы»: тот, кто готов вяло согласиться со всеми столь разными авторами своих «половин» классических текстов, вряд ли вообще возьмет в руки нашу книгу.

Составители старались, чтобы сборная авторов книги отражала не их личные пристрастия, а современное состояние русской литературы во всем ее разнообразии, как эстетическом, так и идейном, – чтобы читатель мог не только проследить, чем жила русская литература с начала XIX века по середину XX-го, но и увидеть, чем она жива в начале XXI-го. Поэтому среди авторов сборника есть поэты и прозаики, маститые и совсем молодые литераторы, живущие как в России, так и за ее рубежами.

Главное, чего хотелось бы составителям «Матрицы», – чтобы тот, кто прочтет из нее хоть несколько статей, почувствовал необходимость заглянуть в тексты произведений русской литературы, входящих в «школьную программу». Чтобы он читал эти тексты так, как читают их авторы собранной ими книги, – не сдерживая слез, сжимая кулаки, хохоча и замирая от восторга, гневаясь и сходя с ума. Потому что школьная программа по литературе – это на самом-то деле программа для активации человеческого в человеке, и надо только понять, где тут кнопка «ввод» и как ее нажать.

ЗАДРАИТЬ ЛЮКИ

(Литературная матрица: Советская Атлантида. –
СПб.: Лимбус Пресс, 2014)

Незадолго до того, как новая «Литературная матрица» отправилась в печать, на экраны страны вышел очередной фильм о Великой отечественной войне. К выходу фильма на одном из телеканалов устроили, как это бывает, опрос на улицах Москвы. Опрашивали школьников, вопрос был очень простой: что вы знаете о Сталинграде? Диапазон ответов оказался чрезвычайно широк: самые несведущие признались, что не знают ничего, самая знающая девочка рассказала, что это город, в котором во время войны погибло много людей, в живых осталось всего двадцать человек, а потом его переименовали в Санкт-Петербург.

Окей, телевидение на то и телевидение, чтобы ошарашивать зрителей ужасами, и я вполне допускаю, что если и были сказаны кем-то из опрашиваемых на камеру правильные слова о самой кровавой мясорубке мировой истории, то в вышедший на экраны сюжет они попросту не попали. Но вот история не из телевизора: моя коллега, к которой на выходные приехала юная родственница из другого города, гуляла с ней по широкой улице Ленина в Санкт-Петербурге, и девочка-подросток, взглянув на табличку с названием, искренне удивилась: что это за Лена такая, в честь которой улица названа?

Все это рассказывается здесь не в порядке дежурного возмущения по типу «куда смотрит правительство», а для того, чтобы заострить внимание на подзаголовок второй «Литературной матрицы»: «Советская Атлантида».

Советский Союз опустился так глубоко на дно, что как будто перестал существовать. В мутных тяжелых водах истории не разглядеть даже таких громадных построек, как Ленинград и Сталинград, что уж говорить о зданиях (здесь можно услышать эхо задания, того, что задается, и вернувшись к нам – создание, созидание, предание – это эхо делает из здания то, что сдается сюда, в наличную реальность) – о зданиях, говорю я, поменьше. Мы ходим по улицам, проложенным в советские времена, или живем в домах, которые в советские времена построены, или даже гуляем в лесу, и деревья, под кронами которых мы находим грибы и ягоды, – это те самые деревья, которые проклюнулись из земли в советские времена, – и однако же Советский Союз пребывает в безмолвии, и в толще воды по его городам шмыгают пугливые рыбы. Заданием – и тяжелейшим – оказывается сама возможность разглядеть неверные тени того времени, которое – забегая вперед, скажем – составителям новой «Матрицы» хотелось бы именовать советским периодом русской истории.

Что случилось с Атлантидой? – Она утонула. То же произошло и со страной, которая называлась Союз Советских Социалистических

Республик, – крупнейшей континентальной империей, державшей в орбите своего влияния одну половину мира и в страхе – другую, – и вместе с ней в ядовитую соленую воду погрузилось все, что в ней было создано. Военные подвиги, памятники, человеческие судьбы, промышленные мощности, символы, открытия, книги, наконец.

Люди, которые выросли, а то и родились в эпоху интернета, могли что-то слышать о Пушкине и Толстом, Достоевском и Чехове, а самые продвинутые, может быть, даже знают о Набокове, Газданове и Бунине, но Фадеев, Симонов или Трифонов уже глубоко на дне.

Позиции того, кто взялся бы защищать советскую литературу от забвения, чрезвычайно слабы. Такому человеку в первую очередь напомнят о том, что литература в Советском Союзе была частью огромной машины по производству идеологии – идеологии скомпрометированной и уничтоженной, – после чего упомянут сложную и многоступенчатую цензуру, как внешнюю, в лице редакторов и писательских организаций, так и внутреннюю, на которую писатель обрекает себя сам, не решаясь написать того, что думает, наконец, скажут, что лучшие писатели советской эпохи писали в стол, и вишенкой на торте приведут цитату из Набокова: «советская литература – мещанская литература». Набокова трогать опасно – кто Набокова обидит, трех дней не проживет.

Ясно, что книга о писателях советской эпохи – писателях подцензурных, официальных, – предприятие отчаянное. Кому нужны поднятые со дна моря расколотые, обросшие ракушками артефакты цивилизации, о которой никто ничего не знает? Их отправляют пылиться в тихий музей, под присмотр подслеповатых стариков-хранителей, – этакая форма перезахоронения.

Изредка по музею проносится толпа веселых школьников, и едва поспевающая за ней тетя-экскурсовод втолковывает юношеству: дореволюционная русская литература была передовой, но после Революции, став советской, наша литература начала стремительно отставать от развития мировой словесности, а отстав, принялась откатываться в развитии назад, к примитивному реализму; после экскурсии, дети, все получают в подарок магнитики на холодильник с надписью «соцреализм sucks».

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА